

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Сборник

Слово о полку Игореве

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64105617

Слово о полку Игореве: Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-134404-7

Аннотация

Жемчужины светской литературы русского Средневековья XII – XV вв. Поэтичная «Задонщина» и яростное «Сказание о Мамаевом побоище», душераздирающая «Повесть о разорении Рязани Батыем» и таинственное, полное литературных загадок и тайн «Слово о полку Игореве»...

Их веками переписывали вручную, читали и перечитывали, комментировали и обсуждали. Рукописи их горели вместе с усадьбами и монастырями, и отдельные копии уцелели лишь чудом, чтобы донести до нас не в сухом и равнодушном, а в ярком, эмоциональном, художественном восприятии безымянных по большей части гениев русского слова великую и драматичную историю Руси – с ее феодальными междоусобицами и сложными, неоднозначными отношениями с Великой степью, национальной трагедией монголо-татарского ига и великим национальным подъемом, позволившим это иго наконец сбросить.

Произведения, в которых оживает прошлое Руси.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Слово о полку Игореве	6
Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова	6
Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сборник

Слово о полку Игореве

© Перевод. В.В. Колесов, наследники, 2021

© Перевод. Д.С. Лихачев, наследники, 2021

© Перевод. Л.А. Дмитриев, наследники, 2021

© Перевод. М.А. Салмина, наследники, 2021

© Перевод. И.А. Лобакова, 2021

© Перевод. В.И. Охотникова, 2021

© Перевод. Д.М. Буланин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Слово о полку Игореве

Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова

Ритмический перевод Д. С. Лихачева

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоря,
Игоря Святославича?
Начать эту песнь надо,
следуя былям сего времени,
а не по замыслению Бояна.
Ибо Боян, вещий,
если кому хотел песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
который догонял какую,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,

храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю пред полками касожскими,
красному Роману Святославичу.
То Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который препоясал ум крепостью своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих,
тьмою от него прикрытых.
И сказал Игорь князь
дружине своей:
«О дружина моя
и братья!
Лучше ведь убитым быть,

чем плененным быть;
так уж сядем, братья,
на борзых коней,
да посмотрим хоть
на синий Дон».
Ум склонился князя
перед желанием,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему знамение.
«Хочу, – сказал, – копье преломить
в начале поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по воображаемому дереву,
летая умом под облаками,
свивая славу обоих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.

Пришлось бы внуку того
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие, —
стаи галок бегут

к Дону великому».
Или так бы начать петь,
о волшебник Боян,
внук Велеса:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле».

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы – Святославичи.
Седлай же, брат мой,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
оседланы у Курска еще раньше.
А мои-то куряне – известные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знакомы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изобстрены;

сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю – славы».

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заграждало;
ночь, стонуши ему грозою, птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —

кличет на вершине дерева,
велит прислушаться – земле неизвестной,

Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,

и тебе, Тмутороканский идол!

И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому;
кричат телеги их в полночи,
словно лебеди распущенные.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Ведь уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;

волки грозу поднимают
по оврагам;
орлы клетком на кости зверей зовут;
лисицы брешут на красные щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русские сыны великие поля красными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами

стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими драгоценностями половецкими.
Красный стяг,
белая хоругвь,
красная челка,
серебряное древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганный половец!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак путь ему указывает к Дону великому.

На другой день совсем рано
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копыям изломиться,

тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!
О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря
стрелами
на храбрые полки Игоря.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля покрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русские перегородили красными
щитами.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты в самом бою,
прыщешь на воинов стрелами,
гредишь о шлемы мечами булатными!
Куда ты, тур, поскочишь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.

Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!

Какая из ран дорога, братья, тому, кто забыл
честь и богатство

и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой желанной, прекрасной Глебовны,
свычаи и обычаи?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы,
были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.

Ступает в золотое стремя в городе Тмуторокане,
тот же звон уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода Владимир
каждое утро уши закладывал в Чернигове.

Бориса же Вячеславича
похвальба на суд привела
и на Канину зеленую паполому постлала
за обиду Олегову,

храброму и молодому князю.

С той же Каялы Святополк повелел отца своего
привезти

между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,

засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожьего внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни
людские.

Тогда по Русской земле редко пахари
покрикивали,

но часто вороны граяли,

трупы между собой деля,

а галки свою речь говорили,

собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!

С раннего утра до вечера,

с вечера до рассвета

летят стрелы каленые,

гремят сабли о шлемы,

трещат копья булатные

в поле незнаемом,

среди земли Половецкой.

Черная земля под копытами костями была
засеяна,

а кровью полита:

горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —

издалека рано до зари?

Игорь полки возвращает,

ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы,
тут кровавого вина не достало,
тут пир окончили храбрые русские:
сватов напоили, а сами легли
за землю Русскую.

Никнет трава от жалости,
а дерево с тоской к земле преклонилось.
Уже, ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожья внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеская, прогнала времена обиля.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:

«Это мое и то мое же».
И стали князья про малое
«это великое» говорить,
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех стран приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, —

к морю!

Игорева храброго полка не воскресить!

По нем кликнули Карна и Желя,

поскакали по Русской земле,

размыкивая огонь в пламенном роге.

Жены русские восплакались, приговаривая:

«Уже нам своих милых, любимых

ни мыслию не смыслить,

ни думою не сдумать,

ни глазами не повидать,

а золота и серебра совсем не подержать».

И застонал, братья, Киев от горя,

а Чернигов от напастей.

Тоска разлилась по Русской земле;

печаль обильная пошла посреди земли Русской.

А князи сами на себя крамолу ковали,

а поганые,

с победами нарыскивая на Русскую

землю,

сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,

Игорь и Всеволод,

уже коварство пробудили раздором,

а его усыпил было отец их —

Святослав грозный великий киевский

грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь, исторг:

и упал Кобяк в городе Киеве
в Святославовой гриднице.

Тут-то немцы и венецианцы,
тут-то греки и чехи
поют славу Святославу,
укоряют князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы реки
половецкой, —

насыпавшего русского золота.

Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого
в седло рабское.

Приуныли у городов забрапы,
а веселие поникло.

А Святослав мутный сон видел
в Киеве на горах.

«Этой ночью с вечера одевают меня, — говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпают мне синее вино,

с горем смешанное;
сыплют мне пустыми колчанами поганых
иноземцев

крупный жемчуг на грудь
и нежат меня.

Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.

Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградьи стоял киевский лес,
и понеслись [они – вороны] к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
ведь вот, два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тматороканя
или испить шлемом из Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
саблями поганых,
а самих опутали
в путины железные.

Темно ведь было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли
и с ними два молодых месяца,
Олег и Святослав,
тьмою заволоклись

и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла,
по Русской земле простерлись половцы,
 точно выводок гепардов.
Уже спустился позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот, готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звоня русским золотом,
воспевают время Боза,
лелеют месть за Шарукана.

А мы уже, дружина, без веселья!

Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
 со слезами смешанное,
 и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
 досаждать мечами,
 а себе славы искать.
Но одолели вы без чести,
без чести ведь кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца

из крепкого булата выкованы

и в смелости закалены.

Что же сотворили вы моей серебряной седине?

Не вижу уже у власти

сильного,

и богатого,

и обильного воинами

брата моего Ярослава,

с черниговскими боярами,

с воеводами,

и с татранами,

и с шельбирами,

и с топчаками,

и с ревугами,

и с ольберами.

Те ведь без щитов с засапожными ножами

кликом полки побеждают,

звоня в прадедовскую славу.

Но сказали вы: «Помужествуем сами:

прошлую славу сами похитим,

а будущую сами поделим!»

Разве же дивно, братья, старому помолодеть?

Когда сокол надел оперение взрослого,

высоко птиц он взбивает:

не даст гнезда своего в обиду.

Но вот зло – князья мне не в помощь:

худо времена обернулись.

Вот у Римова кричат под саблями половецкими,

а Владимир под ранами.

Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!

Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?

Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать!

Если бы ты был здесь,
то была бы невольница по ногате,
а раб по резани.

Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять,
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик и Давид!

Не ваши ли воины
золочеными шлемами по крови
плавали?

Не ваша ли храбрая дружина
рыкают, как туры,
раненные саблями калеными
на поле неизвестном?

Вступите же, господа, в золотые стремяна
за обиду сего времени,
за землю Русскую,

за раны Игоревы
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своем златокованном престоле,
подпер горы венгерские
своими железными полками,
загородив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, в Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко паришь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу в смелости одолеть.

Есть ведь у вас железные молодцы
под шлемами латинскими.

От них дрогнула земля,
и многие страны —
Хинова,
Литва,
Ятвяги,
Деремела,
и половцы копья свои повергли,
а головы свои подклонили
под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорьь,
померк солнца свет;
а дерево не добром листву сронило:
по Роси и по Суле города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, поспели на брань...

Ингварь и Всеволод
и все трое Мстиславичи,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы

и копья польские
и щиты?

Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными
струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганных.

Один только Изяслав, сын Васильков,
позвонил своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под красными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и сказал:

«Дружину твою, князь,
птица крыльями придела,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого Всеволода:

так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.

Уныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярославичи и все внуки Всеслава!
Уже склоните стяги свои,
вложите [в ножны] свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Ибо вы своими крамолами
начали наводить поганных
на землю Русскую,
на достояние Всеслава.
Из-за уобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,

объятый синей мглой;
поутру же вонзил секиры, —
отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярослава,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны,
посеяны костями русских сынов.

Всеслав князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и провидящая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему провидец Боян
давно припевку, разумный, сказал:

«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда Божьего не миновать».

О стонать Русской земле,
помянув первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
вот ведь и теперь встали стяги Рюриковы,
а другие – Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.

Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
«Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю,
омочу бобровый рукав в Каяле реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты наперекор?

Зачем мчишь хиновские стрёлки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было под облаками вейть,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле городе на забрале,
приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Для всех ты тепло и прекрасно:
Зачем, господин, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего милого?
В поле безводном жаждою им луки согнуло,

горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полночи,
идут смерчи облаками.
Игорю князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу,

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуместь:
князю Игорю не оставаться!
Кликнул,
застучала земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня,
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,

и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.

Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
страхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия!»

Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядями на ветрах».

Не такова-то, – говорит он, – река
Стугна;
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и ладьи,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали:
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли
сороки не стрекотали,
полозы ползали только.
Дятлы стуком указывают путь к реке,
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.
Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит, —
расстреляем соколенка
своими золочеными
стрелами».

Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит, —
опутаем соколенка
красною девицею».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если опутаем его красною девицею,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы,
старого времени Ярослава,
Олега князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы», —
так и Русской земле без Игоря.

«Солнце светится на небе, —
а Игорь князь в Русской земле»:
девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.

Игорь едет по Боричеву
ко Святой Богородице Пирогощей.
Села рады, города веселы.

Певше песнь старым князьям,
потом и молодым петь:
«Слава Игорю Святославичу,
буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против полков поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова

Объяснительный перевод Д. С. Лихачева

Автор «Слова» отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени; он характеризует старую поэтическую манеру Бояна.

Не пристало ли нам, братья, начать старыми [«старомодными», старинными] выражениями горестное повествование о походе Игоря, Игоря Святославича? – [Нет,] начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по [старинному] замыслению [способу, плану, приему] Бояна. Ибо Боян, вещий, если кому хотел песнь сложить, то [вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и] растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Вспоминал он, как говорил, первоначальных времен войны, [и] тогда напускал десять соколов [пальцев] на стадо лебедей [струн]: который [из соколов] догонял какую [лебедь], та первая [и] пела песнь [«славу»] старому Ярославу [Мудрому], храброму Мстиславу [Владимировичу], который зарезал Редю [касожского князя] перед полками касожскими [в Тмутарокани], прекрасному Роману Святославичу [сыну Святослава Ярославича, князя Тмутароканского]. То, братья, Боян не

десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами собой [без всяких усилий, – в привычных старых выражениях, «старыми словесы»] князьям славу рокотали.

Автор определяет хронологические границы своего повествования.

[Итак], начнем же братья, повествование это от старого Владимира [Святославича Киевского] до нынешнего Игоря [Святославича Новгород-Северского], который препоясал ум крепостью своею [подчинил свои мысли своей «крепости» – мужеству, храбрости] и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Печальное и тревожное начало похода Игоря.

Тогда [в начале того печального похода] Игорь взглянул на светлое солнце и увидел [грозное предзнаменование]: от него [Игоря] тьмою [затмения] все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше [больше чести] ведь зарубленным быть [в битве], чем пленным [бесславно дома, дожидаясь половецкого набега]; так сядем [же], братья, на своих борзых коней [выступим в поход], да поглядим [хотя бы] на синий Дон [в земле Половецкой]». Склонился у князя ум [мысль] перед страстным желанием, и охота отведать великого Дона [дойти с победою

до Дона] заслонила ему [недоброе] предзнаменование: «Хочу ведь, – сказал [он], – сам копье преломить [сам вступить в единоборство] на краю поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу [или] сложить свою голову, или испытать шлемом Дона [победить половцев на Дону]».

Предположение о том, в каких высокопарных выражениях воспел бы Боян поход Игоря.

О Боян, соловей старого времени! Вот бы [уж] ты эти походы [по-соловьиному] воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя [воедино] славы обеих половин этого времени [славу начальную и конечную времени этого повествования – «от старого Владимира до нынешнего Игоря»], рыща по тропе [языческого старого русского бога] Трояна [т. е. носясь по божественным путям] через поля на горы [иначе говоря – переносясь воображением на огромные расстояния]. [Пришлось бы] внуку тому [т. е. внуку бога Велеса, о котором ниже] воспеть песнь [в честь] Игоря [в таких (старинных) выражениях]: «Не буря [русских] соколов занесла через поля широкие; стада [половецких] галок [уже] бегут [спасаясь] к Дону великому». Или [так бы] начать петь [тебе], [о] волшебник Боян, внук [бога] Велеса: «[Еще только] кони [вражеские] ржут за [пограничную рекою] Сулою, [а] слава [победы над ними уже] звенит в Киеве; трубы [еще только] трубят [созывая войска] в Новгороде [Северском], а стяги [уже] стоят [готовые выступить]

в Путивле!»

Ободрение Игоря его братом Всеволодом выступить в поход.

[И вот] ждет Игорь милого брата Всеволода [чтобы идти с ним в поход]. И сказал ему буйный тур Всеволод [одобряя его]: «Один [ты у меня] брат, один свет светлый – ты, Игорь! Оба мы – Святославичи [оба мы одного храброго гнезда]. [Так] седлай [же], брат [мой], своих борзых коней, а мои-то [уже] готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне знаменитые воины: под трубами повиты, под шлемами взлеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты [изготовлены к бою], колчаны отворены [на изготовку], сабли изострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю – славы».

Выступление Игоря в поход и грозные предзнаменования. Безднадежность похода.

Тогда [после встречи с Всеволодом и его одобрения] вступил Игорь князь в золотое стремя [выступил в поход] и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою [затмения] путь заграждало [предвещая опасность]; ночь, стонуши, ему грозою, птиц пробудила [как бы стремясь предупредить его]; [зловещий] свист звериный встал [свист степных зверей – сусликов]; взбился див [мифическое существо восточных

народов], кличет на вершине дерева [предупреждая своих о походе русских], велит прислушаться [к походу русских] земле неизвестной [Половецкой степи], Волге, и Поморию, и Посулию [пограничной с Русью земле по реке Суле], и Сурожу [в Крыму], и Корсуню [там же; иными словами – всем враждебным Руси юго-восточным странам], и тебе, Тмутороканский идол [идолу какого-то языческого бога, стоявшего близ Тмуторокани]! И [вот] половцы непроложенными дорогами [дорогами, заранее, как обычно перед походами, не «протеребленными», т. е. в крайней спешке] побежали к Дону великому [навстречу войску Игоря]; кричат телеги [их] в полночь, словно лебеди распущенные. [А] Игорь ведет к Дону воинов [несмотря на все дурные предвестия]!

Ведь уже несчастья его [т. е. поражения Игоря] подстерегают [хищные] птицы по дубам [ждут добычи на поле битвы]; волки [воем своим] грозу поднимают по оврагам; орлы клетком на кости зверей зовут [предвкушая добычу], лисицы брешут на красные щиты [русских]. О Русская земля! Уже ты за [пограничным] холмом!

Ночлег войска Игоря в степи и построение в боевой порядок утром.

Долго наступает ночь. [Вечерняя] заря свет уронила [свет зари погас]. [Вот и] мгла поля покрыла. [Наконец, и] щекот соловьиный уснул; [утренний] говор галок пробудился. Русские сыны [наутро] великие поля красными щитами перего-

родили [построившись в боевой порядок], ища себе чести, а князю — славы.

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Богатая добыча досталась войску Игоря; сам же Игорь берет себе только боевые знаки врагов.

Спозаранку в пятницу потоптали [они — воины Игоря] поганые полки половецкие [рассеяли боевой порядок половецких полков] и рассыпались по полю [за добычей], помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. [Добыча их была так велика, что] покрывалами, плащами и кожухами стали мосты [гати] мостить через болота и топкие места, и всякими драгоценностями половецкими. [Боевые же знаки:] красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко [достались] храброму [Игорю] Святославичу.

Снова ночует в поле храбрый выводок князей Ольговичей. Лирическое размышление автора о его судьбе. Движение главных сил половцев к Дону, навстречу Игорю.

[И вот] дремлет в поле храбрый выводок Ольговичей! Далеко залетел! Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганный половец! [А между тем] Гзак бежит серым волком, а Кончак [впереди] ему след правит [указывает следом своего войска путь] к Дону великому [навстречу Игорю].

Войска половцев надвигаются. Сетования автора.

На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца [четырёх князей – Игоря, Всеволода, Олега и Святослава], а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! [Быть грому сражения!] Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться [в рукопашной схватке в начале битвы], тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже ты за [пограничным] холмом!

Постепенное развертывание битвы, слитое с изображением надвигающейся грозы.

Вот ветры, внуки Стрибога [бога ветров], [уже] веют со стороны моря [с половецкой стороны] стрелами на храбрые полки Игоревы [битва началась перестрелкой из луков]. Земля гудит [под копытами конницы, пошедшей в бой], реки мутно текут [взмученные ногами коней, переходящих их вброд], пыль поля покрывает [от движения множества половецкого войска], стяги [половецкие, своим движением] говорят [свидетельствуют]: половцы идут от Дона [с востока], и от моря [с юга], и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесови [боевым, наступательным] кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили [поля] красными щитами [в сомкнутом строю, с плотно составленными

щитами, приготовившись к отражению натиска)].

Подвиги в битве буй-тура Всеволода. В пылу битвы Всеволод не только не чувствует на себе ран – он забыл и феодальную честь, княжеские обязанности, любовь к жене.

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в [самом] бою, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда [ты], тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, – там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая из ран дорога [чувствительна, близка] тому, кто [в пылу битвы], братья, забыл [даже] честь [феодальную честь, честь, связанную с выполнением своих феодальных обязательств по отношению к старейшему князю – Святославу Киевскому], и достояние [своего княжества], и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной, прекрасной [Ольги] Глебовны [жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского] свычаи и обычаи [привычки и обычаи, «любовь и ласку»]!

Лирическое отвлечение автора. Автор вспоминает прошлое Руси и родоначальника нынешних князей Ольговичей – Олега Святославича. Олег своими походами положил начало междоусобиям в Русской земле. Страшные последствия междоусобий Олега Святославича для мирного трудового населения Руси.

Были века [бога] Трояна [века языческие], [затем] минули годы Ярославовы [Ярослава Мудрого и его сыновей – Ярославичей]; были [и] походы Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. [Только что] ступает [он] в золотое стремя [выступая в междоусобный поход] в городе Тмуторокани, тот же звон [уже заранее] слышал давний [уже умерший] великий Ярослав [Мудрый – противник раздоров], а сын Всеволода Владимир [Мономах, современник Олега и также противник раздоров] каждое утро уши [себе] закладывал в Чернигове [где он княжил; настолько не выносил он этого звона]. Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича [сына Вячеслава Ярославича] похвальба [перед битвой на Нежатиной Ниве] привела на суд божий и на [реку] Канину послала ему зеленое погребальное покрывало за обиду [за поруганную честь] Олега [Святославича]. С такой же [злочастной, начавшейся по вине Олега Святославича] Каялы [т. е. битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря] Святополк [Изяславич] повелел привезти отца своего [Изяслава Ярославича] между венгерскими иноходцами [как обычно перевозили раненых и и убитых] к [храму] Святой Софии в Киеве. [Следовательно, поражение потерпели обе стороны.] Тогда, при Олеге Гориславиче, заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука [русского народа]; в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали [на

лошадей, распахивая землю], но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу.

Сравнение тех ратей Олега Святославича с ратью нынешней – его потомков. Ожесточенность битвы Игорева войска.

То было в те [давние] рати и в те походы, а такой рати [как эта – Игоря Святославича] еще не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя булатные в поле незнакомом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами, костями [павших] была засеяна, а кровью полита: горем взошли [они] по Русской земле.

Поражение войск Игоря. Природа сочувствует несчастью русских.

Что мне шумит [что за шум до меня доносится], что мне звенит [что за звон мне слышится] издалека [с поля далекой битвы] рано [утром] перед зорями? [То] Игорь [Святославич] возвращает [бегущие] полки [черниговских ковуев], ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились [ведь они] день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы [Игорь потерпел поражение]. Тут два брата [Игорь и Всеволод] разлучились [захваченные в плен и доставшиеся разным ханам] на берегу быстрой Каялы; тут кровавого

вина не достало, тут пир [битву] окончили храбрые русские: «сватов» [половцев, половецких князей, постоянно вступавших в брачные союзы с русскими князьями] напоили, а сами полегли за землю Русскую. [Сама природа сочувствует поражению русских:] Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Печальные размышления автора по поводу тяжелого положения Русской земли.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня [нежилое пространство – степь] войско прикрыла [трупы убитых покрыла трава]. Встала обида в [этих полегших] войсках Дажьбожья внука [т. е. русских], вступила девою на землю Трояню [на Русь], всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату [князь князю]: «Это мое и то [тоже] мое». И стали князья про [всякую] малость «это великое» говорить, и сами [тем самым] на себя крамолу ковать. А поганые [пользуясь этим] со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

Оплакивание погибших в бою ратников Игоря.

О! [Увы!] далеко залетел сокол [Игорь], птиц [половцев] избивая, – к морю! Игорева храброго полка не воскресить [случившегося не воротишь]! По нем [по погибшем полку]

Игоря] кликнули [заплакали погребальным плачем] Карна и Желя [погребальные боги], поскакали по Русской земле, размыкая огонь в пламенном [погребальном] роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых любимых ни мыслить не смыслить, ни думую не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра [и в руках своих] совсем не подержать».

Последствия поражения Игоря.

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная пошла посреди земли Русской. А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые [половцы], с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора.

Объяснение причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжёлым для всей Русской земли: Игорь своим неудачным походом уничтожил плоды предшествующего победоносного похода на половцев Святослава Киевского.

Ибо [потому это все произошло, что] те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство [половцев] пробудили [своим] раздором [со своим главой Святославом и с другими князьями, не захотев сражаться вместе против половцев], а его [это коварство] усыпил было «отец» их [их глава] Святослав [Всеволодович Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода] грозный великий киевский грозою [стра-

хом, который на них нагнал]: прибил [половцев] своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую [за год перед тем], притоптал холмы и овраги [половецкие], взмутил реки и озера [переходя их вброд], иссушил потоки и болота [«мосты мостя» по «грязивым местам» – прокладывая дороги войску]. А [самого] поганого [хана] Кобяка от лукоморья [у Азовского моря] из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг [захватив в плен]: и упал Кобяк в городе Киеве в Святославовой гриднице [в большой пиршественной палате, которую иногда, в случае большого количества пленных, использовали как тюрьму]. Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы реки половецкой, – насыпавшего [на дно Каялы] русского золота [ведь для Руси прошли времена обилия после поражения Игоря]. Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого [княжеского] в седло рабское [стал из князя рабом – пленником]. Приуныли у городов забрали [переходы на городских стенах, куда обычно высыпал народ, встречая или провожая войско, откуда плакали по павшим вдали], и веселье [в городах] поникло.

Автор переносит повествование в Киев к Святославу Киевскому: Святослав в Киеве видит тяжелый и неясный для него по своему значению сон.

А Святослав мутный [непонятный, неясный для него] сон

видел в Киеве на горах [где он жил]. «В эту ночь, с вечера, одевают меня, – говорит [он], – черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпают мне синее вино, с горем смешанное; сыплют мне пустыми [опорожненными от стрел] колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежат меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом [как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобрannую крышу]. Всю ночь с вечера серые вороны граяли [предвещая несчастье] у Плесеньска [под Киевом], в предградьи стоял киевский лес, и понеслись [они – вороны] к синему морю [на юг, к местам печальных событий]».

Бояре Святослава объясняют ему значение его сна, рассказывая о поражении Игоря.

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум [твой] полонило; ведь вот два сокола [Игорь Святославич и Всеволод Святославич] слетели с отчего престола золотого [как с соколиной колодки, с которой слетают соколы при соколиной охоте], чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону [одержать победу на Дону]. Уже [этим двум] соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины [надевающиеся соколам, чтобы они не улетели] железные [– заковали в кандалы].

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Мыс-

ленно перенесясь в центр Руси к Святославу в Киев, автор «Слова» оценивает поражение Игоря на этот раз с точки зрения внешнего, международного положения Руси.

Ибо [потому так толковали сон бояре, что] темно было в третий день [битвы Игоря с половцами]: два солнца [Игорь и Всеволод] померкли, оба багряные столба [лучей] погасли, и с ними [погасли] два молодых месяца – Олег [Игоревич] и Святослав [Игоревич – дети Игоря Святославича] тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили [своим поражением] в хиновах [восточных народах]. На реке на Каяле [в месте поражения Игоря] тьма свет покрыла [темные силы одолели светлые]; по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу [позор поражения заслонил собою былую славу]; уже ударило насилие [половецкое] на свободу [русских]; уже бросился див на землю [Русскую]. И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают [они] время Боза [антского князя, разбитого готским королем Винитаром], лелеют месть за Шарукана [деда хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом]. А мы уже, дружина, без веселия [остались].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.